

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

КРЕМЛЬ.

**ОТЧЕТ ПЕРЕД
НАРОДОМ**

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Кремль. Отчет перед народом

Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111076

Кремль. Отчет перед народом / Сергей Кара-Мурза.: Алгоритм;

Москва; 2011

ISBN 978-5-4320-0016-3

Аннотация

В новой книге известного писателя, ученого и общественного деятеля С.Г. Кара-Мурзы разбираются итоги деятельности В. Путина на посту премьер-министра. В 2009 и 2010 гг. Путин выступил в Госдуме с отчетами о работе правительства – эти отчеты и стали предметом детального анализа С. Кара-Мурзы. Развитие промышленности и науки, кредитная система, жилищное хозяйство, образование, транспорт и дороги – все это, как доказывает автор книги, находится далеко не в том состоянии, которое представлено в отчетах премьер-министра. Правительство продолжает использовать методы манипуляции общественным сознанием, считает С. Кара-Мурза, – но самое страшное, что по незнанию или преднамеренно власти ведут дело к полному разрушению «матричных» основ российской жизни. Ошибочно думать, что хуже уже не будет, говорит он, нам может быть так плохо, что сознание отказывается

воспринимать это. Критикуя работу правительства Путина, С.Г. Кара-Мурза предлагает избрать, пока не поздно, путь социально-политического и экономического развития России, определенный ее долгой историей и укладом общественного бытия. Выводы автора основаны на большом количестве статистических и аналитических данных.

Содержание

Введение	5
Часть 1	11
«В праве на поддержку отказать...»	11
«Монетизация» льгот	25
«Абсолютное зло»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Георгиевич Кара-Мурза Кремль. Отчет перед народом

Введение

Вот уже 20 лет правительства президентов Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, а теперь Д.А. Медведева проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима нигде в мире, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большей части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают – они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся доктрина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей

России как цивилизации стала попытка придать конкуренции статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь.

Пресса сообщала, не без сарказма: «Накануне выборов Президента Российской Федерации (в 2004 г.) два десятка видных экспертов и экономистов пытались ответить на вопрос: сможет ли воплотиться в жизнь предложение Владимира Путина придать теме конкурентоспособности страны статус российской национальной идеи? Высказанные в ходе дискуссии позиции поразили разнообразием, а иногда наводили на мысль: а все ли хорошо понимают сам предмет разговора?»

Вера в то, что западная модель экономики является единственно правильной, доходила до идолопоклонства (если только она была искренней). Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет – почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада – недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части челове-

чества. Если США, где проживает 5 % населения Земли, потребляют 40 % минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочесть: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

* * *

В программной статье В.В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., были сделаны два главных утверждения:

«Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество... Альтернативы ему нет».

«Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления».

Но обе эти мысли взаимно исключают друг друга! К тому же первое утверждение неверно фактически – «третий мир», то есть 80 % человечества, в принципе не может повторить путь Запада. Все человечество никак не может идти одним и тем же «магистральным путем», эта универсалистская утопия Просвещения была исчерпана уже в XIX веке.

Принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в ядро мировой капиталистической системы (метрополию), либо в периферию, в число «придатков». Никакой «независимой рыночной России», не входящей ни в одну из этих подсистем, быть не может. Это стало ясно уже в начале XX века, когда была достаточно хорошо изучена система мирового капитализма, построенного как неразрывно связанные «центр-периферия». Перспектива стать частью периферии западного капитализма и толкнула Россию к советской революции как последнему шансу выскочить из этой ловушки.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии».

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический

выбор. Он состоял в том, чтобы демонтировать народное хозяйство, которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Следствием, как правило, были огромные издержки или провал реформ, острые идейные и социальные конфликты. Результатом нынешней реформы стала быстрая утрата населением России ряда признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь – важный урок. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом – за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства – почти в 3 раза. Между тем, до кризиса конца 2008 г. российская промышленность только-только вышла на уровень 1990 г., а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этого уровня достигнет.

Реформы длятся, повторим, уже 20 лет. Пора бы сделать надлежащие выводы, но власть продолжает упорно твердить «альтернативы нет», и в этом уже чувствуется что-то маниакальное, если здесь не скрыто, конечно, осознанное стрем-

ление к разрушению России. Надо рассмотреть подробнее основополагающие установки власти и постараться понять, что они собой представляют и какой путь готовят стране и всем нам.

Часть 1

Проект «Путин» для России

«В праве на поддержку отказать...»

Начнем наш разговор с важнейшей функции государства – его заботы о народе (государственный патернализм). Идеологи российских реформ, исходя из концепции рынка как панацеи от всех бед, принципиально отвергли государственный патернализм в качестве одного из важных устоев социального порядка России. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна».

Это утверждение нелогично. Патернализм всегда экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (патер) не кормит детей? Во время Гражданской войны Советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выра-

жении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году, – а 43 % рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм «политически нецелесообразен», никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама цель государства России, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания «адресной помощи» как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться «адресной помощи» даже в богатых странах удается немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25 % от тех, кто по закону имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень дороги и требуют большой бюрократической волокиты – даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Отказ от патернализма

и тотальная конкуренция – идеологический миф неолитерализма. Даже венгерский экономист Я. Корнаи, которого любили цитировать наши реформаторы, писал: «Нулевая степень патернализма – это идея, выдвинутая школой Фридмана-Хайека. Но даже при капитализме... эта нулевая степень никогда не проявляется полностью... Атомизированная конкуренция и полностью предоставленная самой себе микроорганизация немыслимы в наш век гигантской концентрации производства и усиления могущества государственной бюрократии». На эти неприятные замечания не обращали внимания.

«Наш век» и бюрократия тут ни при чем. Государство изначально возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без отеческой заботы государства. Государственный патернализм – это и есть основание социального государства, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как пер-

вое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью. В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции ежедневно получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном – с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по хлебным карточкам получал в день два карава хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это – один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм «политически нецелесообразен»!

Наши реформаторы учатся у Запада приватизации, но в упор не видят того, как на Западе богатые научились ужиться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям – или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других». При современном капитализ-

ме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют половину расходов населения на питание. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80 % расходов на питание. И это именно политически целесообразно.

* * *

Но В.В. Путин продолжает отвергать политику патернализма и приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование – значит «раскрепостить его потенциал», есть утопия. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суeta убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспи-

танию детей – вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

А опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности – и потенциал человека съезживается. Жители нынешней Российской Федерации живут в атмосфере нарастающих страхов – перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх – перед преступным насилием.

Однако установка на искоренение патернализма – едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) Д.А. Медведев изложил «представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство... Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу... широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уве-

ренность в том, что все проблемы должно решать государство».

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как ухитриться «не тащить их в наше будущее»). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл как раз в том, чтобы отказаться от патернализма – «застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство».

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как иждивенчество. Это – поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь – кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «все проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей отлынивает!

* * *

Кроме того, власть неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства

и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства отеческого отношения ко всем системам жизнеустройства России – к армии и школе, к промышленности и науке. Все это – творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли – все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их оскорбило. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать Правительство, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации».

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых – критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для

решения критически важных для страны задач. Но именно такие коллективы обычно не способны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть главой семьи.

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине «Вашингтонского консенсуса», сказано: «Мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим – даже в решении экономических проблем. А сколь-либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости – короче говоря, которая не является в то же время моральной общностью».

Таким образом, уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством

населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать «умную экономику».

* * *

Вот выдержка из старого дореволюционного российского учебника по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немислимы... За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование... Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование... Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной

реальной обязанности».

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе – именно как право, а не милость. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью.

Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали выбрасывать из общества бедных. Это был исторический выбор, сделанный без общественного диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.

Между тем, в 2000 году Послание Президента В.В. Путина гласило: «У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства». В чем же избыточность социальных обязательств в России? Относительно чего они избыточны? Мусорные баки в Москве по несколько раз в день перебирались и перебираются людьми, ранее принадлежавшими к «среднему классу». Число этих людей таково, что они составляют социальную группу. Но ведь они – только видимый кончик проблемы.

В том же году, что и Послание, вышел Государственный

доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000). В нем сказано: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

И при этом Путин назвал социальные обязательства государства избыточными и призывал их сокращать!

* * *

В российском обществе бедность является социальной болезнью. Для ее лечения необходим рациональный подход – с установлением диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В России сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты».

Своей бесчувственностью в социальной политике власть создала большую угрозу, которая уже действует и перемалывает российское общество. В 90-е годы государство проявило такой тип жестокости, какого мы уже и не предполагали в людях. Иногда казалось, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку – кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

Уже на первых этапах реформы власть проявила столь безжалостное отношение к населению, что даже академик Г.А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства реформаторов: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаюсь понравиться МВФ».

Без диалога и ясной программы, на базе которой возможен общественный договор и общие усилия, преодоление кризиса невозможно. Но первое условие такого договора – отказ от превращения России в джунгли конкуренции, от сраживания людей в звериной борьбе за выживание. И первый шаг – ограничение законов рынка в социальной сфере, поворот к восстановлению отношений государственного патернализма.

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена са-

ма. Ее человечность в отношении большинства служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс.

«Монетизация» льгот

Летом 2004 г. в Госдуме был принят, а в Совете Федерации утвержден закон, заменяющий предоставление льготным категориям граждан ряда благ в натуральном выражении денежными выплатами. Власть настояла на своем, большинство населения с этой акцией было несогласно. Возник социальный конфликт – как говорят, латентный, «дремлющий», хотя он и прорывался в отдельные демонстрации. Он выявил важную деформацию знания власти о России как цивилизации. Из нее было исключено традиционное знание, выработанное в культуре России, и неявное знание чиновников. При этом оказалось выхолощенным и рациональное знание, выраженное в аналитических материалах социологов.

Почему загорелся этот сыр-бор? Казалось бы, из-за гораздо более сильных ущемлений наши люди не волновались. Власть отнимала все сбережения, снижала доходы и в три, и в четыре раза – никаких протестов! А тут из-за мелочи столько шуму, власти пришлось сильно потрудиться, чтобы найти десяток пенсионеров и ветеранов, которые перед телекамерами выразили бы глубокое удовлетворение тем, что получают «живые деньги» вместо каких-то там лекарств или бесплатного проезда.

Положение действительно странное: министры наперебой убеждали, что люди деньгами получают гораздо больше, что

им это выгодно, что власть потратит на льготы намного больше, чем тратит сейчас, – а люди упирались, не желая выгоды. С другой стороны, к чему бы такая забота о неразумных? Зачем на них тратиться – пусть бы себе и получали свои жалкие натуральные крохи, если считать не умеют. Зачем так стараться министрам, так радеть о темной массе?

В том-то и дело, что вопрос был поднят принципиальный, к деньгам и крохам он не сводится. Тут нашла коса на камень, столкнулись два мировоззрения, два взгляда на жизнь. Даже, можно сказать, два типа рациональности – и выявился не разрыв, а просто пропасть между властью и массой населения. Произошла «разведка боем» в гражданской цивилизационной войне внутри России. Войне пока что холодной. Даже удивительно, как это может проявиться в такой капле воды.

Говорят, что правительство задумало сэкономить на отказе от выдачи льгот натурой – заменит льготы небольшими деньгами, а их сожрет инфляция. Наверное, такое соображение было, но это вовсе не главное, из-за этого власть так бы не уперлась, нашла бы другой способ вытрясти карманы.

Главная цель иррациональна, она лежит в сфере идеалов – продавливать либеральную утопию, которая уже почти сдохла. Для этого необходимо «монетизировать» все стороны жизни, и на этом пути правительство взяло курс на последовательный уход государства от обязательств, которые требуют реальных действий и реальных отношений с людьми.

Протолкнув свой закон, правительство плюнуло в душу большинству. Доноры Ижорского завода, сдававшие кровь бесплатно (и, кстати, не получавшие положенных льгот), пишут: «Мы с горечью и недоумением узнали, что доноров хотят лишить немногочисленных льгот. Кровь – бесценный дар. Донорство неопределимо в денежном выражении, и льготы – лишь некоторый стимул для участия людей в донорском движении. Это – знак признательности и благодарности этим людям со стороны государства... Неужели Россия хочет «прославиться» как первая страна, загубившая донорское движение?»

Как надо оскорбить людей, чтобы они такое написали! Сгоряча написали, наверняка не перестанут сдавать кровь, но в этих словах уже знак тяжелого отчуждения от власти – за то, что не хотела понять таких простых вещей. За то, что при помощи СМИ сознание людей расщепляют, их стравливают и соблазняют. Люди не могут возразить и поддакивают, а «сердце не лежит». Факт, что у большинства «сердце не лежит», потому такие усилия применяло правительство для уговоров.

Более того, пассивное сопротивление этой акции было удивительно единодушным. Это говорит о том, что она затронула что-то очень важное, какой-то нерв, – людям боль-

но, но объяснить внятно они не могут. Да и не обязаны. Но они запомнят, что правительство не пошло на диалог, не обратило внимания на вполне разумные доводы даже очень авторитетных людей.

Целый ряд авторов убедительно показывал, что конфликт власти с большой частью населения, вызванный монетизацией льгот, носит фундаментальный характер. Настаивая на своем, власть превратилась, в части своего образа, в экзистенциального врага большой доли народа, ибо она нанесла удар по устоям его представлений о справедливом бытии, а вовсе не по каким-то элементам материального благополучия. Государство попыталось уйти от выполнения вечного договора с народом – и его легитимность пошатнулась.

Почему проблеме натуральных льгот придали такое значение в реформировании России? Потому, что монетизация любых натуральных повинностей или благ есть сильнейший механизм атомизации общества, перевода всех человеческих и социальных отношений на принципы купли-продажи.

Льготы – это механизм усложнения общества, повышения его разнообразия. Это знаки отличия, знаки заслуг человека перед обществом и государством. Они важны даже просто как напоминание о том, что существует доблесть и заслуга. Когда-то и в парикмахерской маленького поселка можно было увидеть вывеску: «Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди». Но ведь она висела не для героев, а для

посетителей, чтобы они помнили о героях.

Монетизацией правительство стремилось стереть из памяти людей само понятие доблести и благодарности. Давно сказано: «Не имеет ценности то, что имеет цену». Вот и нанесли удар по сокровенным культурным устоям российской цивилизации.

Обмен благами не через куплю-продажу («деньги – товар»), а в «натуре» – важнейший механизм связи людей в семье, родах, народах. При таком обмене прозаическое благо наполняется сокровенным смыслом, его дарение и принятие приобретают литургическое значение. Человек дарит свою кровь царю, Отечеству, народу, а те потом дарят ему льготы. Именно эту систему нерыночных связей между людьми, а также между людьми и государством стараются ликвидировать реформаторы. И это, похоже, одна из их главных забот.

Уже на заре реформы это кредо так выразил Ю. Буйда в «Независимой газете»: «Антирыночность есть атрибут традиционного менталитета, связанного с «соборной» экономикой... Наша экономическая убудочность все еще позволяет более или менее эффективно эксплуатировать миф о неких общностях, объединенных кровью, почвой и судьбой, ибо единственно реальные связи пока в зачатке и обретут силу лишь в расслоенном, атомизированном обществе. Отвечая на вопрос о характере этих связей, этой чаемой силы, поэт Иосиф Бродский обошелся одним словом: «Деньги!»

Здесь важные вещи сказаны верно и чеканно – не должны

мы быть связаны «кровью, почвой и судьбой», реформаторы и их любимые поэты нас расслоят и атомизируют, уничтожат нашу «соборную» экономику. Есть у них для этого чаемая сила – деньги.

* * *

Тут мы, конечно, затронули лишь верхушку проблемы. Если система льгот и вообще натуральных выплат действительно была бы уничтожена («монетизирована»), это нанесло бы обществу огромный урон, его даже трудно оценить.

Рассуждая о монетизации льгот, министры и губернаторы подменяли понятия, как будто и впрямь не понимали, о чем идет речь. Они представляли льготы ветеранам как разновидность вспомоществования бедным. Это, мол, благотворительность власти, она вправе заменить ее небольшими суммами денег – и нечего нос воротить, дареному коню в зубы не смотрят. Ну просто нарывались на то, чтобы ненависть у людей отложилась глубоко и надолго!

Льготы нигде и никогда не являются подачкой на бедность. Льготы – заслуженное право, заработанное трудом или кровью. Власть дает их людям с благодарностью, с поклоном.

Когда проталкивали закон об отмене льгот, приводили как довод, что, мол, не все их используют – лучше всем дать понемножку денег. А представьте, что тем же ответит го-

сударству народ. Защищать родину – повинность мужчин. Повинность натуральная! Так ведь несправедливо – кровь-то свою проливают не все! Давайте лучше соберем со всех граждан понемногу денег и сунем в зубы этому государству, а натуральной крови проливать не будем. Даешь монетизацию повинностей! Но тем-то и отличается средний гражданин от министров, что такая идиотская мысль ему в голову не придет. Он знает, что далеко не все заменяется деньгами.

Блага натурой даются людям для того, чтобы они их потребили сами – и именно в данном им виде. Монетизация заведомо означает, что деньги уйдут «по другим статьям» и прежде всего на нужды близких. Выдача льгот натурой – выражение особого свойства традиционного общества, которое верно подмечено либеральными философами. Такое общество приказывает жить, в то время как либеральное общество дает свободу умирать. Потому-то вымирает либеральный Запад, а при либеральной реформе стали вымирать и русские.

Вот красноречивая льгота натурой – летчикам во время войны давали шоколад. И они не имели права поделиться им даже с голодающими детьми блокадного Ленинграда. Летчик был обязан жить – ради тех же детей. Когда ветерану дают нужное ему лекарство, он обязан его принять – и жить. А если ему вместо этого сунут в зубы сто рублей в месяц, он волен купить на них пару бутылок водки – и умереть. Он свободен и никому ничем не обязан. Копить эти деньги в

ожидании болезни он уж точно не будет.

Говорили, льготы надо отнять у горожан потому, что сельские жители этими льготами мало пользуются. Ну так дайте сельским жителям те льготы, которые им нужны! Но ведь и у них отнимают – например, льготный тариф на электричество, на поставки угля. В крайнем случае, дайте им денежный эквивалент тех льгот, которыми пользуются горожане. Что за дикая мысль – ради справедливости ухудшить положение для всех!

* * *

Разработчики закона проявили удивительную нечувствительность к фундаментальным категориям. Натуральные льготы – страховой фонд (запас), к которому прибегают в момент нужды. Ежемесячные денежные выплаты – поток. Закон заменяет фонд (запас) потоком, что является фундаментальным изменением системы. Эта сторона дела даже не обсуждалась.

Различие хорошо видно при рассмотрении льгот на покупку лекарств. Имея эту льготу в натуральном выражении, человек в случае нужды (заболевания или обострения болезни) идет и изымает свой фонд, свой запас. Каково же будет поведение человека, который ежемесячно получает эту льготу, превращенную в поток – в ежемесячную небольшую прибавку к пенсии? Месяц за месяцем он здоров, и в 99 %

случаев просто будет тратить эту прибавку в общем потоке своих скудных доходов, даже не задумываясь. И в момент заболевания или обострения болезни этот человек денег на лекарства иметь не будет.

Чтобы загодя превращать поток в запас, он должен был выработать в себе навыки и даже культуру накопительства, а для этого должно было пройти несколько поколений. Большинство населения России таких навыков и такой культуры не имеет. Поэтому о наличии фондов у нас заботилось государство, община, трудовой коллектив. Какая безответственность – лишить всего этого жителей России!

Заранее разделить страховой фонд поровну в деньгах между всеми – это значит не оказать помощи никому. Помощь голодающим из неприкосновенного запаса – это льгота, на которую имеют право все, но которой пользуются только те, кто в данный момент в ней нуждается. Что будет, если неприкосновенный запас перевести в деньги и заранее раздать их всем поровну?

А ведь нечто подобное и собираются сделать с той льготой, которой мы все недавно обладали, – здравоохранением. Тех денег, которые раньше выделяло на эту льготу государство, хватало всем больным. А теперь эти деньги хотят выдать каждому в виде фиксированной страховой суммы – и уже никому ее не хватит на лечение из тех, кто, не дай бог, заболеет. Льготы натурой потому и обходятся гораздо дешевле, чем «выплаты всем», что ими реально пользуются

далеко не все, а только те, кому это необходимо.

Если бы монетизацию льгот проводили честно, давая всем реальное денежное возмещение натуральных благ, то это легло бы на госбюджет абсолютно непосильным грузом. И правительство выбрало наихудший вариант – и людей озлобило, и деньги растратило, и технические системы не подержало.

Наконец, льготы натурой – исключительно экономная вещь и потому, что они «таятся в порах производства». Их замена деньгами уничтожает тот огромный эффект, который возникает при переплетении производства и быта (как в крестьянском дворе или на советском заводе). Заводы отапливали дома своих рабочих (и их соседей) отходами технологического тепла, заводские сварщики между делом ремонтировали в этих домах трубы и обустроивали детские площадки. Эти натуральные льготы рабочим выкраивались из лоскутков производственных мощностей. Перевод их на рыночную основу влетает в такую копеечку, что наши привыкшие к советским порядкам хозяйственники не раз за время реформы столбенели.

Хотели лишить пенсионеров бесплатного проезда. Каков был бы результат? Они бы ходили пешком или сидели дома. Автобус ходил бы, как и раньше. И никакой прибыли не получил бы автобусный парк от того, что не втиснется в автобус старик, не поблагодарит уступившего ему место мальчика и не проедет гордо и бесплатно – потому что он ветеран

и заслужил такую льготу.

Но все это было бесполезно объяснять нашему правительству. Ему это говорили в течение года – ноль внимания. Видно, из каких-то высших сфер получило оно приказ, которого нельзя было ослушаться.

«Абсолютное зло»

Важнейшей политической (и геополитической) целью рыночной реформы конца 80-х и 90-х годов XX века было разрушение советского строя. «Технологически» оно шло по двум направлениям: через подрыв идеологического стержня общества и его хозяйственной системы. Эта военная операция велась исключительно жесткими средствами практически во всех сферах национального бытия советского народа – в экономической, социальной, этнической и политической. Разрушению подвергались все духовные структуры советского человека и основные структуры жизнеустройства. Речь шла не о критике, а об ударах на поражение.

Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось реформаторской элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации абсолютного зла. У людей, которых в течение многих лет бомбардируют такими утверждениями, разрушается способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

Высокие должностные лица из состава властной команды выражаются более сдержанно, однако вполне определенно. В.Ю. Сурков говорит: «Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Все второпях, в

ослепления идей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности».

Читатель должен сам додумать: да, эта реформа оказалась вязкой реальностью, но ничего не поделаешь, всегда так в России бывает, все второпях – вот в чем причина. А на деле все это подлог. Можно ли ставить советские мегапроекты индустриализации и Великой Отечественной войны на одну доску с вредительством перестройки и приватизацией 90-х годов? Все это, мол, по сути одно и то же.

Власть взяла на вооружение порочный метод объяснять провалы рыночной реформы в России наследием советского прошлого. Мол, эти провалы – следствие инерции тех систем, которые были созданы при советском строе. Это – важный методологический принцип всей доктрины реформ. Я утверждаю, что этот принцип фундаментально ошибочен и лишает государство и общество возможности разобраться в актуальных процессах. Этот принцип изначально искажил меру и критерии, с которыми сообщество экономистов и власть подходят к актуальным проблемам.

* * *

Разберем пример важных искажений реальности, вытекающих из антисоветизма реформ. Стало нормой утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. В

Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев сказал, например: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами... Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания».

Прекрасна последняя фраза, но «умной» экономика не станет, пока мы не разберемся, каким образом Россия скатилась к «примитивному сырьевому хозяйству», – ведь силы и механизмы, которые ее туда толкнули, продолжают действовать. Их надо выявить и нейтрализовать. Но мы не начнем ничего «выявлять», пока не откажемся от мифа, будто СССР был «сырьевым» гигантом, не определим вес «индустриальной» компоненты в советской экономике.

Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, – но до конца так и не преодолела. Он пишет: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от уничижительной сырьевой зависимости».

Этот миф воспринят с таким доверием, что приходится поражаться. Президент Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, – но до конца так и не преодолела. Это – неверное определение вектора процесса. В действительно-

сти нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» – не наследие прошлого, а именно продукт реформы, результат деиндустриализации советского хозяйства.

Взглянем на «унизительную сырьевую зависимость» в целом. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.» на стр. 32 есть таблица: «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г. (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем, что доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77 %. Из них «машиностроение и металлообработка» – 34,7 %. Доля «добывающих» (сырьевых) отраслей – 23 %. Это – максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья».

Теперь берем «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица: «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 г. «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70 % экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства»—5,8 %.

Но дело даже не в доле сырья в экспорте, а в зависимости всего хозяйства от экспорта (и, таким образом, от экспорта сырья). Сравним два образа – величину экспорта и стоимость годового объема продукта промышленности.

В 1986 г. продукция промышленности в СССР составила

836 млрд. руб., а экспорт 68,3 млрд. руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд. руб. То есть, экспорт на мировой рынок был равен в стоимостном выражении 1,6 % от продукта промышленности. Экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны – другая статья. Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2 % продукта промышленности.

В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 14,6 триллиона руб., а экспорт – 471 млрд. долларов или примерно 14 триллионов руб. При этом 70 % экспорта – сырье. Именно за последние двадцать лет Российская Федерация стала «сырьевым гигантом», а РСФСР была индустриальной страной. Мы живем потому, что государство политическими средствами удерживает цены внутри страны на более низком уровне, чем на внешнем рынке, а сырье там сейчас дорого.

Российская экономика не может использовать отечественное сырье для своего развития и для того, чтобы обеспечить рабочими местами свое население, – собственникам выгоднее продать сырье за границу. Взять хотя бы нефть. Ведь «на нефтяную иглу» сел не СССР, а именно Российская Федерация, причем как следует она села на эту иглу уже после ухода Ельцина. Сравните долю нефти, идущей на экспорт, в советский период и после победы реформы над советским хозяйством. В 1990 г. из РСФСР на экспорт было отправлено 19,2 % добытой сырой нефти, в 2005 г. из Российской Федерации—46 % (а вместе с нефтепродуктами экспорт 2007 г.

в страны «дальнего зарубежья» составил 326 млн. т, или 70 % добытой нефти).

* * *

Ритуальные плевки в советское прошлое стали столь привычными, что спичрайтеры высших руководителей даже не удосуживаются проверить свои самые странные идеи. Ну и потомки русских богатырей! Но отбросим лирику, разбор обвинений СССР нам нужен, чтобы восстановить свою способность считать и логически мыслить для нынешних дел.

В Послании 2007 года В.В. Путин сказал: «В нашей стране за весь – подчеркну, за весь – советский период было построено 30 атомных энергоблоков. За ближайшие же 12 лет мы должны построить 26 блоков». Эту мысль можно было бы выразить с большей экспрессией, например: «С момента крещения Руси было построено только 30 атомных энергоблоков, а вот мы...». Это надо же, в чем нашел Путин упрекнуть советский период! А можно было бы сказать, что в Советском Союзе даже ВВП вообще не было, нечего было и удваивать, а вот мы...

А вот, например, В.В. Путин говорит в Госдуме (6 апреля 2009 г.): «Невозможно уже больше... мириться с нищенским пенсионным обеспечением миллионов людей, с тем, что у нас по-прежнему есть пенсионеры, которые получают меньше 2 тыс. – 1950 рублей. Правда, это еще наследие прошлого,

советского периода, когда в совхозах платили соответствующие деньги».

Посмотрим, какие «соответствующие деньги» платили в совхозах и сколько «миллионов людей» из тех работников живет сегодня в Российской Федерации. Всего в РСФСР в 1990 г. было 6,3 млн. человек, получавших минимальную пенсию – 70 руб. в месяц. Сейчас всем выжившим из тех, кто был пенсионером в советское время, далеко за 80 лет. Сколько их всего осталось? Совсем немного, в 2008 г. в России проживало 3,6 миллиона человек в возрасте 80 лет и более.

Тех, кто получал минимальную пенсию, было 24 % от общего числа пенсионеров – значит, делим это малое число еще на 4. Сколько из них вышло на пенсию именно в совхозах? Надо поделить еще минимум на 10. Да их по пальцам можно сосчитать, а нам говорят, что «миллионы людей» с нищенской пенсией – наследие совхозов! Кто в Правительстве нашелся такой хитрый, сочинить эту байку?

Лучше бы посчитали, что мог купить пенсионер на 70 руб. в 1990 году и что – на 1950 руб. сегодня. В 1990 г. пенсионер на минимальную пенсию в 70 руб. мог купить 238 кг молока или 183 кг хлеба (хлебо-булочных изделий) из пшеничной муки. В 2007 г. пенсионер на минимальную пенсию в 1950 руб. мог купить 76 кг молока или 64 кг хлеба (хлебо-булочных изделий) из пшеничной муки. В три раза меньше! Это не наследие совхозов, а оригинальный продукт нынешнего социального порядка.

В том же отчете Госдуме В.В. Путин говорит: «В Советском Союзе должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось, что мы с вами хорошо знаем. Да, к сожалению, так, потому что наши гражданские самолеты – это то, что было переделано, первоначально это были военные самолеты, потом их спокойно переделали. Они являются у нас, к сожалению, сегодня неконкурентоспособными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.